

Павел Петрович Бажов

Приказчиковы подошвы

Сказ впервые опубликован в 1936 г. в журнале "Красная новь".

По своему характеру принадлежит к группе вольнолюбивых сказов, звавших к борьбе с притеснителями рабочих – рудничным начальством и заводовладельцами.

Был в Полевой приказчик Северьян Кондратьич. Ох и лютой, ох и лютой! Такого, как заводы стоят, не бывало. Из собак собака. Зверь.

В заводском деле он, слышь–ко, вовсе не мараковал, а только мог человека бить. Из бар был, свои деревни имел, да всего решился. А все из–за лютости своей. Сколько–то человек до смерти забил, да еще которых из чужого владенья. Ну, огласка и вышла, прикрыть никак невозможно. Суд да дело – Северьяна и присудили в Сибирь либо на здешние заводы. А Турчаниновым – владельцам – такого убойцу подавай. Сразу назначили Северьяна в Полевую.

– Сократи, сделай милость, тамошний народ. Ежели и убьешь кого, на суд тебя тут никто не потянет. Лишь бы народ потише стал, а то он вон что вытворять придумал.

А в Полевой перед этим старого–то приказчика на калену болванку посадили, да так, что в одночасье помер. Драли, конечно, за приказчика–то. Только виноватого не нашли.

Никто его не сажал. Сам сел. Угорел, может, либо затмение на него нашло. Хватились поднять его с болванки, а уж весь зад до нутра испортило. Такая, видно, воля божья, чтоб ему с заду смерть принять.

По этому случаю владельцам заводским и понадобилось рыкало–зыкало, чтобы народ испужать.

Вот и стал убойца Северьян нашим заводским приказчиком. Он, слышь–ко, смелый был, а все ж таки понимал – завод не деревня, больше опаски требует. Народ, вишь, завсегда кучкой, место тесное, да еще у огня. Всякий с орудией какой–нибудь... Клещами двинуть может, молотком садануть, сгинем либо полосой брякнуть, а то и плахой ахнуть. Очень даже просто. Могут и в валок либо в печь головой сунуть. Угорел–де, подошел близко, его и затянуло. Поджарили же того приказчика.

Северьян и набрал себе обережных. Откуда только выкопал! Один другого могутнее да отчаяннее. И всё народишко – откать последняя. Братцы–хватцы из шатальной волости. С этой оравой и ходил по заводу. Впереди сам идет. В руке плетка в два перста толщиной, с подвитым кончиком. В кармане пистолет, на четыре ствола заряженный. Пистончики надеты, только из кармана выдернуть. За Северьяном шайка идет. Кто с палкой, кто с саблей, а кто с пистолетом тоже. Чисто в поход какой срядился.

Первым делом уставщика спрашивает:

– Кто худо робит?

Тот уж знает, что ладно про всех сказать нельзя, сам под плетку попадешь – потаковщик–де. Вот и начинает уставщик вины выискивать. На ком по делу, на ком – понасердке (по злобе. – Ред.), а на ком и вовсе зря. Лишь бы от себя плетку отвести. Наговорит так–то на людей, приказчик и примется лютовать. Сам, слышь–ко, бил. Хлебом его не корми, любил над человеком погалиться (издеваться. – Ред.). Такой уж характер имел. Убойца, одним словом.

В Медну гору сперва все–таки не спускался. Без привычки–то под землей страшно, хоть кому доведись. Главная причина – потемки, а свету не прибавишь. Хоть сам владелец спустись, ту же блёндочку (рудничную лампу. – Ред.) дадут. Разбери, горит она али так только вид дает. Ну, и мокреть тоже. И народ в горе вовсе потерянный. Такому что жить, что умирать – все едино. Бездонный народ, самый для начальства беспокойный. И про то Северьян слышал, что у Медной горы своя Хозяйка есть. Не любит будто она, как под землей над человеком измываются. Вот Северьян и побаивался. Потом насмелился. Со всей своей шайкой в гору спустился. С той поры и пошло. Ровно еще злости в Северьяне прибавилось. Раньше руднишных драли завсегда наверху, а теперь нову моду придумали. Приказчик плетью и чем попало прямо в забое народ бьет. Да каждый день в гору повадился, а распорядок у него один – как бы побольше людям худа сделать. Который день много народу избьет, в тот и веселее. Расправит усы свои да и хрипит руднишному смотрителю:

– Ну–ко, старый хрыч, приготовь к подъему. Пообедать пора, намахался.

С неделю он так–то хозяйевал в горе. Потом случай и вышел. Только сказал руднишному смотрителю – готовь к подъему, – вдруг голос, да так звонко, будто где–то совсем близко:

– Гляди, Северьянко, как бы подошвы деткам своим на помин не оставить! Приказчик схватился:

– Кто сказал? – Повернулся на голос да и повалился, чуть ноги не переломал. Они у него как прибитые стали. Едва от земли оторвал. А голос женский. Сумление тут приказчика и взяло, а все–таки виду не оказывает. Будто ничего не слышал. Северьянова шайка тоже молчит, а видать – приуныла. Эти сразу сметили – сама погрозилась.

Вот ладно. Перестал приказчик в гору лазать. Вздохнули маленько руднишные, только ненадолго. Приказчику, вишь, стыдно: вдруг рабочие тот голос слышали да теперь и посмеиваются про себя – струсил–де Северьян. А это ему хуже ножа, как он завсегда похвалялся – никого не боюсь. Приходит он в прокатную, а там кричат:

– Эй, подошвы береги! – Это у них присловье такое. Упредить, значит, кто зазевался. А приказчик свое думает: "Надо мной смеются".

Шибко его тем словом укололо. Не стал и человека искать, который про подошвы кричал. Даже никого на тот раз не избил, а стал посередке прокатной да и говорит своей–то ораве:

– Что–то мы давненько в горе не были. Надо там за порядком доглядеть.

Спустились в гору. И такая на приказчика злость накатила, как еще не бывало. Походя всех лупит. Все ему показаться охота, что никого не боится. И вот опять тот же голос:

– Другой раз, Северьянко, тебя упреждаю. Пожалей своих малолетков. Подошвы им только оставишь!

Приказчик на голос повернулся и повалился, как и тот раз. Ноги от земли оторвать не может. Глядит, а они чуть не на вершок в породу вдавились, хоть каелкой обивай. Вырвал все ж таки, только сапоги спереди оскалились – подошвы отстали. Притих приказчик, а как наверх поднялись, опять осмелел. Спрашивает своих–то:

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

– Слыхали что? в шахте?

Те говорят:

– Слыхали.

– Видели – как ноги у меня прилипли?

– Видели, – отвечают.

– Как думаете – что это?

Ну, те мнутя, понятно, потом один выискался и говорит:

– Не иначе, это Медной горы Хозяйка тебе знак подает. Грозится вроде, а чем – непонятно.

– Так вот, – говорит Северьян, – слушайте, что я скажу. Завтра, как свет, в гору приготовьтесь. Я им покажу, как меня пужать да бабенку в горе прятать. Все штольни–забои облазаю, а бабенку ту поймаю и вот этой плеткой с пяти раз дух из нее вышибу. Слышали?

И дома перед женой этак же похваляется. Та, женским делом, в слезы:

– Ох да ах, поберегся бы ты, Северьянушко! Хоть бы попа позвал, чтоб он тебя оградил.

И верно, попа позвали. Тот попел, почитал, образок Северьяну на шею повесил, пистолет водичкой покропил да и говорит:

– Не беспокойся, Северьян Кондратьич, а в случае чего – читай "Да воскреснет бог".

На другой день на свету вся приказчикова шайка к спуску явилась. Помучнели все, один приказчик гоголем похаживает. Грудь выставил, плечи поднял, и глядят – сапоги на нем новешенькие, как зеркало блестят. А Северьян плеткой по сапожкам похлопывает и говорит:

– Еще раз оборву подошвы, так покажу руднишному зрителю, как грязь разводить. Не погляжу, что он двадцать лет в горе служит, спущу и ему шкуру. А вы первым делом старайтесь бабенку эту углядеть. Кто ее поймает, тому пятьдесят рублей награда.

Спустились, значит, в гору и давай везде шнырять. Приказчик, как обыкновенно, впереди, а орава за ним. Ну, в штольнях–то узко, они цепочкой и растянулись, один за другим. Вдруг приказчик видит – впереди кто-то маячит. Так себе легонько идет, блёндочкой помахивает. На повороте видно стало, что женщина. Приказчик заорал "стой!", а она будто и не слыхала. Приказчик за ней бегом, а его верные слуги не шибко торопятся. Дрожь на их нашла. Потому видят – неладное дело: сама это. А назад податься тоже не смеют – Северьян до смерти забудет. Приказчик все вперед бежит, а догнать не может. Лается, конечно, всяко, грозится, а она и не оглянется. Народу в той штольне ни души.

Вдруг женщина повернулась, и сразу светло стало. Видит приказчик – перед ним девица красоты неописанной, а брови у ней сошлись и глаза как уголья.

– Ну, – говорит, – давай разочтемся, убойца! Я тебя упреждала: перестань, – а ты что? Похвалялся меня плеткой с пяти раз забить? Теперь что скажешь?

А Северьян вгорячах кричит

– Хуже сделаю! Эй, Ванька, Ефимка, хватай девку, волокнотерпца, стерву!

Это он своим–то слугам. Думает, тут они, близко, а сам чует – ноги у него опять к земле прилипли.

Уж не своим голосом закричал:

– Эй, сюда!

А девица ему и говорит:

– Ты глотку–то не надрывай. Твоим слугам тут ходу нет. Их и в живых сейчас многих не будет.

И легонько этак рукой помахала. Как обвал сзади послышался, и воздухом рвануло. Оглянулся приказчик, а за ним стена – ровно никакой штольни и не было.

– Теперь что скажешь? – спрашивает опять Хозяйка.

А приказчик, – он шибко ожесточенный был, да и попом обнадеженный, – выхватил свой пистолет:

– Вот что скажу! – И хлоп из одного ствола... в Хозяйку–то! Та пульку рукой поймала, в коленко приказчику бросила и тихонько молвила:

– До этого места нет его. – Как приказ отдала. И сейчас же приказчик по самое колено зеленью оброс. Ну, тут он, понятно, завыл:

– Матушка–голубушка, прости, сделай милость. Внукам–правнукам закажу. От места откажусь. Отпусти душу на покаяние!

А сам ревет, слезами уливается. Хозяйка даже плюнула.

– Эх, ты, – говорит, – погань, пустая порода! И умереть не умеешь. Смотреть на тебя – с души воротит.

Повела рукой, и приказчик по самую маковку зеленью зарос. Как глыба большая на его месте стала. Хозяйка подошла, чуть задела рукой, глыба и свалилась, а Хозяйка как растаяла.

А в горе переполох. Ну, как же – штольня обвалилась, а туда приказчик со всей своей свитой ушел. Не шутка дело. Народ согнали. Откапывать стали. Наверху суматоха тоже поднялась. Барину в Сысерть нарочного послали. Горное начальство из города на другой день прикатило. Дня через два отрыли приказчиковых–то слуг. И вот диво! Которые хуже–то всех были, те все мертвые, а кои хоть маленько стыд имели, то только изувечены. Всех нашли, только приказчика нету. Потом уже докопались до какого–то неведомого забоя. Глядят, а на середине глыба малахиту отворочена лежит. Стали оглядывать ее и видят – с одного–то конца она шлифована.

"Что, – думают, – за чудо. Кому тут малахит шлифовать?" Стали хорошенько разглядывать, да и увидели – посредине шлифованного места две подошвы сапожные. Новехоньки подошешки–то. Все гвоздики на них видно. В три ряда. Довели об этом до барина, а тот уже старик тогда был, в шахту давно не спускался, а поглядеть охота. Велел вытаскивать глыбу, как есть. Сколько тут битвы было! Подняли все–таки. Старый барин как увидел подошвы, так в слезы ударился:

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

– Вот какой у меня верный слуга был! – Потом и говорит: – Надо это тело из камня вызволить и с честью похоронить.

Послали сейчас же на Мрамор за самым хорошим камнерезом. А там тогда Костоусов на славе был. Привезли его. Барин и спрашивает:

– Можешь ты тело из камня вызволить и чтоб тела не испортить?

Мастер оглядел глыбу и говорит:

– А кому обой (куски камня, которые отваливаются при первичной грубой обработке. – Ред.) будет?

– Это, – говорит барин, – уж в твою пользу, и за работу заплачу, не поскуплюсь.

– Что же, – говорит, – постараться можно. Главное дело – материал шибко хороший. Редко такой и увидишь. Одно горе – дело наше мешкотно. Если сразу до тела обивать, дух, я думаю, смрадный пойдёт. Сперва, видно, надо оболванить, а это малахиту потеря.

Барин даже огневался на эти слова.

– Не о малахите, – говорит, – думай, а как тело моего верного слуги без пороку добыть.

– Это, – отвечает мастер, – кому как. Он, вишь, вольный, Костоусов–то, был. Ну, и разговор у него такой. Стал Костоусов мертвяка добывать. Оболванил сперва, малахит домой увез. Потом стал до тела добираться. И ведь что? Где тело либо одежда были, там все пустая порода, а кругом малахит первосортный.

Барин все–таки эту пустую породу велел похоронить как человека. А мастер Костоусов жалел:

– Кабы знатьё, – говорит, – так надо бы глыбу сразу на распил пустить. Сколько добра сгибло из–за приказчика, а от него, вишь, что осталось! Одни подошвы.